

М. Н. Яр...

Японская

сказка.

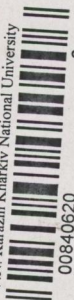

Харьковъ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17-й.
1902.

33582

V.N. Karazin Kharkiv National University

00840620 6

9-1192. Ж. Ж. Ярошъ.

Японская

сказка.

as

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА

БІБЛІОТЕКА

№ 33208

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА
№ 54160

№ 54160
10/34 р.
IX

Харьковъ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17-й.
1902.

1938

Отдельные оттиски из журнала „Мирный Трудъ“. № 2.

Японская сказка.

Братья Ито и Окадо, молодые литераторы въ Токио, затѣлили предпріятіе. Давно уже они тревожились, замѣчая, что съ японскимъ прогрессомъ творится что-то неладное, что онъ какъ то судорожно подпрыгиваетъ на рельсахъ, а иногда и вовсе, такъ сказать, идетъ по шпаламъ. Братья съ неудовольствіемъ видѣли, что японскія заимствованія изъ далекой Европы односторонни: ввозятся почему-то не столько рычаги для поднятія благополучія и славы родины, сколько дубины, хлопающія по лбу японскую народность. Ито и Окадо съ недоумѣніемъ разводили руками передъ окружающимъ изумительнымъ умственнымъ развитіемъ, дошедшимъ до того, что нечему стало учиться; все и безъ ученія сдѣлалось такъ ясно и извѣстно, что школы обратились въ отжившій, никому не нужный анахронизмъ. Японія стала являть міру невиданный примѣръ: подъ ея небомъ, не было надобности корѣть надъ скучными книгами, а стоило лишь дышать, открывать пошире ротъ, и этимъ способомъ пріобрѣтать все, что нужно знать образованному человѣку XX столѣтія и честному гражданину своего отечества. Любознательные иностранцы уже начали формировать экспедиціи для изученія вблизи этого поразительнаго и завиднаго явленія, но Ито и Окадо въ смущеніи качали головами.

Братья видѣли, что японцы, обнаруживая богатство природныхъ дарованій, обработали извѣстный афоризмъ: „*tout comprendre tout pardonner*“ по своему: они все поняли, все простили и теперь уже искренно не знаютъ, гдѣ оканчивается порядочный человѣкъ, а гдѣ начинается жуликъ и нахаль. Братья знали изъ исторіи, что въ старину, въ образованныхъ странахъ, бывали люди, называемые скептиками. Это были люди выдающейся остроты и глубины ума, которые, послѣ тщательнаго изученія жизни, высказывали отрицательныя мнѣнія о нѣкоторыхъ изъ ея сторонъ. Оглядываясь-же кругомъ, Ито и Окадо замѣчали, что дѣло скептицизма очень упростилось. Скептиковъ стало—хоть прудъ пруди. Ихъ можно сотнями насчитывать въ толпѣ, снующей по улицамъ. Скептики, весело болтая съ гейшами, занимаютъ всѣ столы во всѣхъ чайныхъ домахъ. Безпощадный духъ отрицанія можно найти въ

самомъ кругломъ невѣждѣ, чуть-ли даже не у ребенка на рукахъ у кормилицы. Такая популярность отрицанія наводила братьевъ на мысль, что точки зрѣнія скептицизма помѣщаются уже не на гордыхъ высотахъ, доступныхъ только крупнымъ умамъ, а гдѣ-то гораздо ниже. И дѣйствительно, японцы давно уже обнаруживали тенденцію свести, примѣняясь къ зоологii, смыслъ человѣческой жизни къ „удовлетворенiю потребностей“. Эта скользкая формула затѣмъ подвергалась многократнымъ упрощенiямъ и, мало по малу, спустилась до опредѣленiя, что цѣль челоѣка—быть сытымъ, одѣтымъ и дѣлать все, что хочется. Нѣкоторые изъ современныхъ японскихъ философовъ такъ и поставили смѣлый девизъ: „если брюхо сыто, то и все хорошо“. И если большинство японцевъ еще сохраняютъ стыдливую отсталость и по старой памяти не рѣшаются равно примѣнить этотъ девизъ къ своей личной жизни, то тѣмъ не менѣе они считаютъ новый идеаль вполне прекраснымъ въ видѣ общаго идеала и вполне пригоднымъ для самыхъ рѣшительныхъ экспериментовъ надъ обществомъ. Можно-ли удивляться популярности скептицизма, когда его исходная точка сдѣлалась такъ проста и удобопонятна, когда рѣчи новыхъ „учителей жизни“, въ сущности, отличаются только количественно отъ „куа-куа“ грудного младенца, который капризно копаеъ ножками пеленки и жадно чмокаетъ губами? Да, разсуждали Ито и Окадо, простота простотой, но для осуществленiя новаго идеала пришлось бы многое вытравить изъ челоѣческаго сердца и нужно было-бы всѣхъ людей укоротить сверху на полторы четверти, оставивъ отверстiе для принятiя пищи.

— Сообразно-ли это съ чѣмънибудь?—негодующе спрашивать Ито.

— Ни съ чѣмъ не сообразно!—гнѣвно отвѣчала Окадо.

Но какъ помочь дѣлу? Какъ повліять на измѣненiе курса вещей? Какъ поставить японскій прогрессъ на правильный, возвышенный путь?

Успѣшное движенiе корабля, разсуждали братья, обусловливается, во первыхъ, хорошими парусами и, во вторыхъ, опытностью капитана. Въ примѣненiи къ челоѣку, паруса—чувства, какъ стимулъ движенiя, капитанъ—разумъ, умѣющий, благодаря знанiямъ, выбирать дорогу; ориентироваться среди всякихъ обстоятельствъ и не обманываться миражами. Значить, общество, желающее правильного прогресса, должно всѣми силами воспитывать въ себѣ чистоту, возвышенность чувствъ и накапливать какъ можно больше знанiй.

Придя къ такому заключенію, братья затѣли предпріятіе. Имъ хотѣлось основать кружокъ единомышленниковъ, который-бы всѣми средствами содѣйствовалъ росту въ японскомъ обществѣ чистоты чувствъ и богатства знаній. Съ трепетнымъ сознаніемъ важности дѣла, Ито и Окадо изложили свои мысли въ объявленіи и это воззваніе къ соотечественникамъ разослали во всѣ японскія газеты. Братья надѣялись, что ихъ кличъ встрѣтитъ сочувствіе и что Японія, отъ края до края, огласится радостнымъ хоромъ общаго восторга: чистота чувствъ, глубина знанія!

Въ тотъ день, когда газеты Токио напечатали воззваніе, Ито и Окадо рано утромъ вышли изъ своей квартиры и смѣшались съ уличнымъ движеніемъ. Они внимательно присматривались къ толпѣ, надѣясь уловить въ ней струю необычнаго волненія. Они пылливо устремляли взоръ въ каждого прохожаго, съ цѣлью разгадать, читалъ-ли онъ уже ихъ воззваніе и что онъ думаетъ о немъ. Но нигдѣ не было замѣтно ничего особеннаго. Колесо повседневной городской жизни совершало свой оборотъ какъ всегда, словно газеты, сложенные пачками въ кіоскахъ, были пустыми листами оберточной бумаги. Люди двигались въ разныхъ направленіяхъ и, сѣбѣ по своимъ дѣламъ, преравнодушно толкали обоихъ братьевъ, а одинъ старый японецъ, замѣтивъ ихъ пылливый взоръ, сердито тряхнулъ косою и проворчалъ:

— Терпѣть не могу праздныхъ шатуновъ!

Съ неприятнымъ ощущеніемъ обманутаго ожиданія, Ито и Окадо вошли въ чайный домъ и угрюмо сѣли за столикъ. Но тотчасъ-же сердца ихъ дрогнули до боли: какъ разъ рядомъ шелъ разговоръ объ ихъ предпріятіи. За сосѣднимъ столомъ помѣщалось четверо собесѣдниковъ: адвокатъ Корикию, молодой человекъ съ такими налитыми кровью щеками, точно его кто нибудь сильно нажалъ съ противоположнаго конца; рядомъ съ нимъ сидѣла странная личность, поражавшая опухшей блѣдной фізіономіей, растрепанной косою и гордо прищуреннымъ взглядомъ. Два остальныхъ собесѣдника были обыкновенные токійскіе жители, одинъ худѣе, другой по-толще.

— Кака-то новая благоглупость!—говорилъ Корикию, презрительно потряхивая газетой.—И изъ некрасивыхъ!... Чего можно ожидать отъ дѣла, которое начинается съ порицанія прогресса? Прогрессъ, это—жизнь, это—движеніе впередъ, это—вольный воздухъ широкихъ перспективъ. Какъ? Вамъ не нравится прогрессъ?

Вы строите умильные глазки регрессу? Вамъ по вкусу позорное попятное движеніе рака?...

Ито вынулъ часы и замѣтилъ, что рѣчь Корикио въ такомъ духѣ продолжалось ровно двадцать три минуты. Наконецъ, худощавый обыватель вѣжливо перебилъ его:

— Дѣло-то тутъ идетъ не о попятномъ движеніи, а о томъ, чтобы идя впередъ не забраться, куда не слѣдуетъ.

— По шпаламъ!—вмѣшался другой обыватель.—Что-жъ хорошаго, по шпаламъ!

— Ничего!—воскликнула съ хриплымъ злораднымъ смѣхомъ странная личность.—Такъ васъ и надо подтряхивать, голубчиковъ!

— Не понимаю я этой надобности,—возразилъ худощавый обыватель.

— Поговори еще!—крикнулъ странный человѣкъ, внезапно приходя въ ярость.—Какъ тяну по башкѣ, такъ сразу поймешь!

Убѣжденные этимъ аргументомъ, обыватели замолчали, а Корикио, отваливаясь на спинку стула, продолжалъ:

— Воззваньице опять вытаскиваетъ на свѣтъ допотопное уличеніе Европы въ гнилости! Западъ, видите-ли, плохъ, одни мы хороши! Это тотъ Западъ, который сыплетъ въ наши нищенски протянутыя руки щедрые дары своего генія, разные грамофоны, автомобили, ружья тысячи системъ, пушки на всякій ладъ! Возьмемъ, напримѣръ, Англію. Разумѣется, враги ставятъ ей на видъ Ирландію, знаменитые со временъ Диккенса рабочіе дома и прочіе пустяки, но надо быть справедливымъ. Развѣ не Англія распространяетъ просвѣщеніе по всемъ частямъ свѣта? Не легко это дѣло, но Англія стойко идетъ впередъ. Вотъ уже около трехъ лѣтъ она страдаетъ въ Трансваалѣ, тратитъ миліарды, льетъ кровь своихъ сыновъ и все-таки не хочетъ предоставить бурскихъ мужиковъ ихъ позорному варварству.

Полный обыватель наклонился къ уху своего товарища и спросилъ:

— Почему онъ надсаживается, защищаетъ Англію?

— При такомъ ужъ дѣлѣ состоитъ человѣкъ,—отвѣчалъ шепотомъ худощавый обыватель.—Въ судѣ онъ не то что Англію, а и такихъ мошенниковъ защищаетъ, что вчужѣ жутко.

Между тѣмъ Корикио говорилъ:

— Чѣмъ-же надѣются благоудивить гнилую Европу наши патриоты своего отечества? Непрокатною всестороннею бѣдностью?

Вѣчными недородами хлѣба? Хроническимъ неурожаемъ на таланты? Не правда-ли, какъ все это нелѣпо?

Полный обыватель проворчалъ сквозь зубы:

— Есть у насъ такая поговорка: плоха та птица, которая все гнѣздо мараетъ..

Но Корикио не разслышалъ этого „возраженія изъ кармана“ и самодовольно продолжалъ:

— Воззваніе трубить о величій науки, о важности знаній. Совсѣмъ какъ нѣкогда Беконъ Веруламскій! Къ сожалѣнію, наивные авторы забываютъ, что иногда всѣ эти науки, знанія, ученія—не ко времени. Долгая это пѣсня—ученье, а дѣло не терпитъ проволочки. Ученые люди—истинный баластъ прогресса. Тутъ нужно устремляться, засучивать рукава, а они со своими разсужденіями!

— Позвольте вамъ доложить,—возразилъ худощавый обыватель,—что дѣйствовать, не поучившись спервоначала, какъ будто не того... Если прежде сдѣлать, а потомъ подумать, такъ что-жъ хорошаго выйдетъ?

— Да,—сказалъ нараспѣвъ другой обыватель,—есть у меня невѣстка. Такъ она тоже нѣтъ того, чтобы прежде подумать, а прямо засучиваетъ рукава и устремляется къ дѣлу. „Все знаю, меня нечего учить“! И ну метаться, крутить, вертѣть. А перебѣтъ, перевернетъ все вверхъ дномъ и сидеть въ уголъ дура-дурой, начнетъ думать.

— Приберите прочь вашу неидущую къ дѣлу невѣстку,—обиженно возразилъ Корикио.—Я говорю, что прадѣдовскія прибаутки: „тише ѣдешь дальше будешь“, „семь разъ примѣрь“ и г. д. пора бросить. Время кабинетныхъ мудрецовъ прошло. Довольно!

— Н-да, ученые!—пробормотала странная личность.—Сморкуны! Грибы на чужомъ хребтѣ! Шваркнуть, да растереть ногою!

— Но ежели въ самомъ дѣлѣ „шваркнуть“,—возразилъ худощавый обыватель,—какъ-бы намъ не очутиться въ темнотѣ, чернѣе пасти китайскаго дракона. Придется, пожалуй, стукаться головами въ этой темнотѣ и не у кого будетъ спросить совѣта.

— Дуракъ!—прохрипѣла странная личность.—Спросись у своего брюха, оно тебя научитъ.

— Съ этакимъ-то поводомъ какъ-бы не забрести въ чужой карманъ,—не унимался обыватель.

— Вы говорите: чужой карманъ!—возразилъ Корикио. Но теорія чужого и своего кармана уже давно подверглась строгой

критикѣ многихъ свѣтлыхъ умовъ. Эта критика блестяще доказала, что между карманами, въ сущности, вовсе нѣтъ предполагавшейся прежде, непроходимой пропасти. Благодаря этимъ объясненіямъ и принимая во вниманіе разныя комбинаціи соціальныя явленій, мы видимъ безчисленные случаи, когда рука, направляющаяся въ чужой карманъ, несравненно почтеннѣе той, которая хозяйничаетъ въ своемъ.

— Однако, есть же законы, — возразилъ худощавый обыватель.

— Неужли-жѣ они въ самомъ дѣлѣ — дышло — куда хочешь поворачивай, — прибавилъ, разводя руками, полный обыватель.

— Эхъ, головотяпы! — воскликнулъ странный человѣкъ. — Не понимаютъ, что у кого палка, у того и законъ!

— Вотъ оно что... А позвольте спросить, какъ же быть со справедливостью? Есть же на свѣтѣ хорошіе поступки и дурные?

— Васъ, друзья мои, — добродушно сказалъ Корикію, — смущаютъ устарѣвшія слова законъ, справедливость и т. д. Вамъ кажется, что въ нихъ заключается что-то важное, великое, неземное, а на самомъ дѣлѣ все это очень просто. Всякому человѣку, разумѣется, хотѣлось-бы завладѣть всѣми благами, а другимъ не дать ничего. Но для этого у людей не хватаетъ силенки, и вотъ они рѣшили придти къ искусственному соглашенію, чтобы каждый владѣлъ тѣмъ, что у него есть, и не трогалъ чужого. Но, понятное дѣло, все это — одна видимость. Люди посильнѣе отхватили себѣ большую порцію благъ, выкинувъ остатки слабымъ. Конечно, и этимъ слабымъ нѣтъ резона церемониться съ запретами, съ законами, если имъ удастся бороться съ силами. Моралисты надрываются, кричатъ о принципахъ, объ идеалахъ и прочихъ глупостяхъ, а жизнь-то, на взглядъ трезваго ума, есть вырываніе вкусныхъ кусковъ, и ничего больше.

— Ну-ну, — покачалъ головою полный обыватель, — слушать, такъ съ души воротить.

— Ага, не нравится? — захохоталъ странный человѣкъ, — ничего, привыкнешь, принохаешься!

— Толкуютъ о какихъ-то чистыхъ чувствахъ, — сказалъ Корикію, расправляя сматую газету, — это что же означаетъ? Ужъ не хотятъ ли намъ проповѣдывать опять о смиреніи, о покорности, и о прочихъ штукахъ? Пхе! Теперь и малыя дѣти понимаютъ, что именно благодаря этимъ добродѣтелямъ люди ходятъ скрученные цѣпами въ три погибели.